

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.74.56.011

Интеграционные процессы в корпоративном праве современной юриспруденции

Богачев Михаил Юрьевич

Кандидат технических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: bogachevmy@mgri.ru

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: zabaykinyv@mgri.ru

Аннотация

В данной статье содержится анализ правовой природы соглашения о порядке корпоративного управления (shareholders' agreements). Авторы выясняют, предусматривают ли новые положения в законодательстве возможность заключения такого типа корпоративного договора. Отмечается, что, согласно Модельному закону о предпринимательских корпорациях, соглашение о порядке корпоративного управления должно быть подписано всеми акционерами. Оно либо включается в устав корпорации, либо его содержание раскрывается перед корпорацией. Согласно Закону о компаниях (Companies Act), среди учредительных документов компании есть не только устав, но и некоторые решения акционеров и корпоративные договоры. Сам корпоративный договор в закрытых компаниях может содержать положения, отличные от положений устава, или оговорку о преимуществе договорных условий над уставными, в таком случае он заключается всеми акционерами. Копия корпоративного договора, который принимается всеми участниками, направляется государственному регистратору в течение пятнадцати дней, предусматривается ответственность за нарушение этого положения. Заключение такого договора традиционно предполагается между всеми акционерами, при этом он является субсидиарным учредительным документом. Делается вывод о том, что задачей доктрины является в первую очередь попытка определить не только предмет, но и круг вопросов и положений, которые можно включить в корпоративный договор между участниками общества с ограниченной ответственностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Богачев М.Ю., Забайкин Ю.В. Интеграционные процессы в корпоративном праве современной юриспруденции // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 2А. С. 76-82. DOI: 10.34670/AR.2021.74.56.011

Ключевые слова

Устав, компетенция, учредительный документ, собрание, корпоративный договор.

Введение

Для того, чтобы рассматривать корпоративный договор как субсидиарный учредительный документ, близкий к англо-американскому соглашению о порядке корпоративного управления («shareholders» agreements), необходимо, чтобы в нем по меньшей мере можно было определять положения, которые традиционно могут дополнительно содержаться в уставе, то есть вопросы, связанные если не со структурой органов управления, то хотя бы с их компетенцией [Алифанова и др., 2011].

Говоря о корпоративном договоре, предусмотренном Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», стоит отметить, что хоть предмет договора конкретно и не определен в законе, он является четко акцессорным договором, который заключается на основе устава и не противоречит ему. Однако законодатель указал, что существует исключение из этого правила: преимущественное право участника общества не применяется в случае, если это предусмотрено корпоративным договором, стороной которого является участник [Alden Wily, 2014]. Не прибегая пока к детальному анализу этого положения, а просто отмечая его наличие, мы можем утверждать, что корпоративный договор, согласно Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью», не охватывает англо-американскую модель соглашения о порядке корпоративного управления (shareholders' agreements).

Иными словами, корпоративный договор не является тем родовым понятием, которое охватывало бы все виды западных корпоративных договоров, это несколько новая субстанция, которая, с одной стороны, является договором о реализации прав (соглашение о порядке голосования – voting agreement), а с другой стороны, имеются ограничения в реализации прав (соглашение об ограничении права распоряжения акциями – pooling agreement). То есть предметом корпоративного договора является определение порядка реализации корпоративных прав участниками [Golub, 2007].

Основная часть

Следует отметить, что Федеральный закон «Об акционерных обществах» предусматривал договор о реализации прав участников (учредителей) общества с ограниченной ответственностью. По сути, это был вид корпоративного договора, который охватывал и «voting agreement», и «pooling agreement» из англо-американской системы права. Называя данный вид корпоративного договора, законодатель логически вышел из его предмета, которым является определение порядка реализации корпоративных прав [Ioffe, 2005].

Что касается соотношения корпоративного договора с договором о реализации прав участников (учредителей) общества с ограниченной ответственностью, можно утверждать, что это договоры, одинаковые по конструкции и практически идентичные по сути, только последний был детально прописан, например содержал положения, касающиеся информирования общества с ограниченной ответственностью о его заключения.

В связи с вышесказанным стоит высказать предложение относительно изменения названия конструкции договора, предусмотренного Федеральным законом «Об обществах с

ограниченной ответственностью», на договор о реализации прав участников (учредителей) общества. Ведь корпоративный договор является родовым понятием, а данный закон предусматривает заключение только определенного вида корпоративного договора. Подобные предложения высказывались еще до принятия Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», однако услышаны не были [Колобкова, 2017].

Хотелось бы кратко рассмотреть вопрос, почему понятия и регламентация корпоративного договора не были отражены в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации. Ведь, как предлагалась некоторыми учеными, можно было дополнить кодекс статьей, которая была бы посвящена корпоративному договору. Относительно этого предложения можно привести утверждение В.А. Васильевой о том, что обязательства, возникающие из корпоративного договора, могут носить акцессорный характер относительно устава, тогда как договор о совместной деятельности является самостоятельным видом, который имеет хозяйственную (имущественную) цель [Bramall, 2000].

Учитывая данные позиции, считаем, что несмотря на сходство корпоративных договоров с договорами о совместной деятельности, внесение соответствующих норм было бы несколько дискуссионным. Поэтому если и определять корпоративный договор на уровне ГК РФ, то целесообразнее было бы сделать это путем создания отдельной главы с соответствующим названием, что и было сделано.

Наиболее целесообразной считаем позицию, в соответствии с которой в ГК РФ необходимо определить только общие гарантии заключения корпоративных договоров, что и было сделано законодателем путем внесения изменений и дополнений в общие положения об обязательствах и договорах. А в отдельных законах, с учетом специфики конкретной организационно-правовой формы, следует регулировать конкретные виды корпоративных договоров, как это было сделано в отношении договора между акционерами и договором о реализации прав участников (учредителей) общества с ограниченной ответственностью [Goswami, Bezbaruah, 2013].

Далее рассмотрим соотношение устава и корпоративного договора, поскольку уже высказываются позиции относительно возможности несоответствия корпоративного договора уставу общества. Делается такой вывод на основании анализа положений Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», которые определяют порядок реализации преимущественного права участника общества на покупку доли в уставном капитале. Данный закон определяет, что уставом общества может быть предусмотрен иной порядок реализации преимущественного права участника общества с ограниченной ответственностью или порядок отказа от такого права. Также в уставе можно указать, что такое право вообще не применяется [De Schutter, 2010]. Вместе с тем закон гласит, что преимущественное право участника не применяется в случае, если это предусмотрено корпоративным договором, стороной которого является такой участник.

В цивилистической литературе аргументируется возможность нарушения этими нововведениями принципа верховенства права и указывается, что целесообразно детально очертить ограничение договорной свободы путем закрепления в нормах корпоративного законодательства положения о том, что договор не должен противоречить нормам закона и устава общества. С таким выводом на основе анализа этих положений согласиться довольно сложно. Даже если мы упустим положение Гражданского кодекса Российской Федерации, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» императивно указывает, что участники общества обязаны соблюдать устав, а также что участники могут иметь обязанности, установленные законом и уставом общества [Колобкова, 2020]. Исходя из этого,

логичным представляется толкование, в соответствии с которым участники корпоративного договора могут отступать от устава только в случаях, прямо предусмотренных Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью». Он может противоречить уставу только в случаях, прямо предусмотренных законом, то есть только в отношении предсказания условия или порядка определения условий, на которых участник вправе или обязан купить или продать долю в уставном капитале; должен определять случаи, когда такое право или обязанность возникает. При этом положения устава будут обязательными для всех участников общества с ограниченной ответственностью, а для участников корпоративного договора могут быть необязательными (замененными) в части, переданной законодателем на их свободный выбор в качестве участников конкретного корпоративного договора, которые действуют с определенным общим интересом [Davis-Friedmann, 2019].

Также здесь следует отметить, что корпоративный договор в определенном законодателем варианте не может влиять на права и обязанности третьих лиц, в том числе будущих участников общества, что следует из общих положений об обязательствах. С этим и связано его обязательное соответствие уставу и невозможность изменять корпоративную структуру или порядок принятия корпоративных решений [Kaplow, 2012].

Раскрывая тезис о том, почему же корпоративный договор занимает особое место в регулировании отношений общества с ограниченной ответственностью, следует отметить общие особенности корпоративных прав как таковых. В соответствии с положениями ГК РФ, одним из базовых признаков корпоративных прав является обеспеченность тремя правомочиями: правомочностью участия в управлении этой хозяйственной организацией, правомочностью получения дивидендов и возможностью получить активы хозяйственной организации в случае ее ликвидации. При этом в науке отмечается, что, в отличие от других объектов гражданских прав, оборотоспособность корпоративных прав определяется не только законом, но и локальными корпоративными актами, корпоративными сделками, корпоративным договором. Здесь стоит заметить, что изменение локальных корпоративных актов в случае необходимости адаптироваться к текущим потребностям или проблемам общества с ограниченной ответственностью может быть процессом достаточно длительным и сложным, если вообще возможным. Под корпоративными сделками стоит понимать односторонние корпоративные сделки, например заявление о выходе из общества [Bassett, 2009]. Их влияние на деятельность общества с ограниченной ответственностью является довольно небольшим.

Вместе с тем корпоративный договор выступает эффективным регулятором отношений, которые складываются применительно к деятельности общества с ограниченной ответственностью, поскольку являются результатом согласованной воли сторон с целью достижения конкретных целей, при этом отражая текущее положение вещей в момент заключения. При этом он может содержать положения, которые позволяют участникам изменять свое поведение в зависимости от существующей ситуации, которая сложилась во время деятельности общества с ограниченной ответственностью.

Стоит отметить ряд признаков корпоративного договора. Первым характерным признаком является то, что заключение и исполнение такого договора не только непосредственно влияет на участников договора, но и неизбежно косвенно будет влиять на само общество с ограниченной ответственностью и его участников, которые каких-либо отношений до заключения корпоративного договора не имели и могут вообще не знать о самом факте заключения корпоративного договора [Héritier, Lebreton, 2017]. Также одним из основных признаков корпоративного договора является его цель, то есть тот желаемый результат, для

достижения которого стороны объединяются и согласовывают свои позиции относительно деятельности общества с ограниченной ответственностью.

Относительно предмета корпоративного договора стоит сказать, что отсутствие его четкого законодательного определения может привести к определенным опасениям участников обществ относительно заключения на этом начальном этапе вхождения законодательно определенного корпоративного договора в широкую практику применения. Это может происходить из-за отсутствия четкого понимания того, какие положения все же можно внести в корпоративный договор. Ведь, скажем, порядок корпоративного управления, который обычно является предметом корпоративных договоров в англо-американской правовой системе, в континентальной системе и в России определяется законом и в ряде предусмотренных законом случаях, уставом, поэтому не может быть предметом корпоративного договора [Khrustalyov, 2017].

Заключение

Таким образом, пока точно не понятно, как сложится судебная практика и какие условия будут в дальнейшем признаваться недействительными. Поэтому задачей доктрины является в первую очередь попытка определить не только предмет, но и круг вопросов и положений, которые можно включить в корпоративный договор между участниками общества с ограниченной ответственностью.

Такая значимая роль доктрины и в дальнейшем судебной практики объясняется тем, что, исходя из опыта подавляющего большинства зарубежных стран, урегулировать законодательно положения корпоративных договоров невозможно, да и нецелесообразно, поскольку действует принцип свободы договора. А установление перечня конкретных вопросов, которые могут быть предметом корпоративного договора, может пониматься таким образом, что другие вопросы охватываться им не могут. С таким явлением, в частности, столкнулись российские юристы после законодательного урегулирования корпоративного договора. Поэтому хотелось бы избежать аналогичных ошибок в понимании сути и возможных положений корпоративного договора российскими юристами [Аверин, Дудукалов, 2019].

В качестве конкретных примеров возможного использования данного корпоративного договора для эффективного регулирования отношений в обществе можно привести случай, когда имеет место безвыходная ситуация, или так называемый «deadlock». Это патовая ситуация, когда участники не могут достичь консенсуса по любому ключевому вопросу деятельности общества и при этом ни один участник или ни одна из групп участников, действующих совместно, не может обеспечить необходимое количество голосов для принятия окончательного решения. И хотя «deadlock provision» берет свое начало в англо-американской системе права, данный инструмент широко используют и в континентальной Европе. Теперь его можно использовать и в отечественной практике корпоративного управления.

Библиография

1. Аверин А.Н., Дудукалов Е.В., Скидан А.В., Хагуш С.Л. Национальный проект в сфере науки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 3. С. 124-127.
2. Алифанова Е.Н. и др. Эффективное государственное управление в условиях инновационной экономики: финансовые аспекты. М., 2011. 350 с.
3. Колобкова А.А. Учебные книги по французскому языку в России XVIII – первой половины XIX веков. М.: Знание-М, 2020. 96 с.

4. Колобкова А.А. Реферативное изложение в обучении иностранным языкам // Материалы Международных научно-практических конференций «Развитие науки и образования на современном этапе». 2017. С. 51-52.
5. Alden Wily L. The law and land grabbing: Friend or foe? // *Law and Development Review*. 2014. No. 7(2). P. 207-242.
6. Bassett T.J. Mobile pastoralism on the brink of land privatization in Northern Côte d'Ivoire. *Geoforum*. 2009. No. 40(5). P. 756-766.
7. Bramall C. Inequality, land reform and agricultural growth in China, 1952-55: A preliminary treatment // *Journal of Peasant Studies*. 2000. No. 27(3). P. 30-54.
8. Davis-Friedmann D. The provision of essential services in Rural China // *Rural Public Services: International Comparisons*. 2019.
9. De Schutter O. The emerging human right to land // *International Community Law Review*. 2010. No. 12(3). P. 303-334.
10. Golub S. The rule of law and the UN peacebuilding commission: A social development approach // *Cambridge Review of International Affairs*. 2007. No. 20(1). P. 47-67.
11. Goswami B., Bezbaruah M.P. Incidence, forms and determinants of tenancy in the agrarian set-up of the assam plains // *Economic and Political Weekly*. 2013. No. 48(42). P. 60-68.
12. Héritier S., Lebreton C. From 'revolutionary' to contested park. Mobilization and conflicts in the recategorization process of the nevado de toluca national park (Mexico) // *Articulo – Journal of Urban Research*. 2017. No. 16.
13. Ioffe G. The downsizing of Russian agriculture // *Europe – Asia Studies*. 2005. No. 57(2). P. 179-208.
14. Kaplow L. Creating popularis history: SP. cassius, SP. maelius, and M. manlius in the political discourse of the late Republic // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2012. No. 55(2). P. 101-109.
15. Khrustalyov V.K. The image of the Egyptian king Ptolemy XII Auletes in Cicero's speeches // *Ancient History Bulletin*. 2017. No. 77(1). P. 91-105.

Integration processes in corporate law of modern jurisprudence

Mikhail Yu. Bogachev

PhD in Technical Sciences, Associate Professor,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: bogachevmy@mgri.ru

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of production and financial management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zabaykinyv@mgri.ru

Abstract

This article contains an analysis of the legal nature of shareholders' agreements. The authors investigate whether the new provisions in the legislation provide for the possibility of concluding this type of corporate agreement. It is noted that, according to the Model Business Corporation Act, shareholders' agreements must be signed by all shareholders. It is either included in the articles of association of the corporation, or its contents are disclosed to the corporation. According to the Companies Act, among the constituent documents of the company are not only the charter, but also some decisions of shareholders and corporate agreements. The corporate agreement itself in closed companies may contain provisions that differ from the provisions of the charter, or a clause on the superiority of the contractual terms over the statutory ones, in this case it is concluded by all

shareholders. A copy of the corporate agreement, which is accepted by all participants, is sent to the state registrar within fifteen days; liability for violation of this provision is envisaged. The conclusion of such an agreement is traditionally assumed between all shareholders, while it is a subsidiary constituent document. It is concluded that the task of the doctrine is primarily an attempt to determine not only the subject, but also the range of issues and provisions that can be included in the corporate agreement between the participants of the limited liability company.

For citation

Bogachev M.Yu., Zabaikin Yu.V. (2021) Integratsionnye protsessy v korporativnom prave sovremennoi yurisprudentsii [Integration processes in corporate law of modern jurisprudence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (2A), pp. 76-82. DOI: 10.34670/AR.2021.74.56.011

Keywords

Articles of association, competence, constituent document, meeting, corporate agreement.

References

1. Alden Wily L. (2014) The law and land grabbing: Friend or foe? *Law and Development Review*, 7(2), pp. 207-242.
2. Alifanova E.N. et al. (2011) *Effektivnoe gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki: finansovye aspekty* [Effective public administration in an innovative economy: financial aspects]. Moscow.
3. Averin A.N., Dudukalov E.V., Skidan A.V., Khagush S.L. Natsional'nyi proekt v sfere nauki [National project in the field of science]// *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance]. 2019. № 3. S. 124-127.
4. Bassett T.J. (2009) Mobile pastoralism on the brink of land privatization in Northern Côte d'Ivoire. *Geoforum*, 40(5), pp. 756-766.
5. Bramall C. (2000) Inequality, land reform and agricultural growth in China, 1952-55: A preliminary treatment. *Journal of Peasant Studies*, 27(3), pp. 30-54.
6. Davis-Friedmann D. (2019) The provision of essential services in Rural China. *Rural Public Services: International Comparisons*.
7. De Schutter O. (2010) The emerging human right to land. *International Community Law Review*, 12(3), pp. 303-334.
8. Golub S. (2007) The rule of law and the UN peacebuilding commission: A social development approach. *Cambridge Review of International Affairs*, 20(1), pp 47-67.
9. Goswami B., Bezbaruah M.P. (2013) Incidence, forms and determinants of tenancy in the agrarian set-up of the assam plains. *Economic and Political Weekly*, 48(42), pp. 60-68.
10. Héritier S., Lebreton C. (2017) From 'revolutionary' to contested park. Mobilization and conflicts in the recategorization process of the nevado de toluca national park (Mexico). *Articulo – Journal of Urban Research*, 16.
11. Ioffe G. (2005) The downsizing of Russian agriculture. *Europe – Asia Studies*, 57(2), pp. 179-208.
12. Kaplow L. (2012) Creating popularis history: SP. cassius, SP. maelius, and M. manlius in the political discourse of the late Republic. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 55(2), pp. 101-109.
13. Khrustalyov V.K. (2017) The image of the Egyptian king Ptolemy XII Auletes in Cicero's speeches. *Ancient History Bulletin*, 77(1), pp. 91-105.
14. Kolobkova A.A. (2017) Referativnoe izlozhenie v obuchenii inostrannym yazykam [Abstract presentation in teaching foreign languages]. In: *V sbornike: Razvitie nauki i obrazovaniya na sovremennom etape. Materialy Mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Proc. Int. Conf. "Development of science and education at the present stage. Proceedings of International Scientific and Practical Conferences"], pp. 51-52.
15. Kolobkova A.A. (2020) *Uchebnye knigi po frantsuzskomu yazyku v Rossii XVIII – pervoi poloviny XIX vekov* [Educational books on the French language in Russia in the 18th - first half of the 19th centuries]. Moscow: Znanie-M Publ.